

Под стражей

Не иначе, кто-то Йозефа К. оклеветал, ибо однажды утром, не совершив вроде бы ничего дурного, он оказался под стражей. Кухарка госпожи Гробах, его квартирной хозяйки, каждое утро около восьми подававшая ему завтрак, на сей раз не пришла. Такого еще никогда не случалось. К. подождал немного, поглядывая со своей подушки в окно на старуху, что жила напротив и сейчас глазела на него с каким-то недобрым любопытством, потом, неприятно удивленный, да и голодный, позвонил. Тотчас в дверь постучали, и в комнату вошел мужчина, которого К. прежде в квартире не встречал. Подтянутый, хотя и плотно сбитый, он был в ладно пригнанном, но странном, на манер дорожного, черном костюме, с уймой пряжек, карманов, застежек, хлястиков, вдобавок еще и с поясом, вследствие чего сам фасон казался особенно практичным, хотя и неясно, для какой, собственно, цели.

— Вы кто такой? — все еще из кровати спросил К., от неожиданности привстав на локтях.

Мужчина, однако, пропустил вопрос мимо ушей, словно его вторжение следует принять как неизбежность, а вместо ответа только бросил:

— Вы ведь звонили?

— Анна должна подать мне завтрак, — сказал К., а сам, пока молчком, во все глаза рассматривал незнакомца, пытаясь сообразить, что он за птица. Но тот не дал долго себя разглядывать, а, обернувшись к двери и слегка ее приоткрыв, кому-то там, за порогом, сообщил:

— Желает, чтобы Анна завтрак ему подала.

В ответ из соседней комнаты послышался смешок, причем непонятно было, то ли один человек смеется, то ли несколько. И хотя ничего для себя нового из самого этого смешка незнакомец вроде бы уяснить не мог, он — теперь уже тоном строгого уведомления — сообщил К.:

— Это невозможно.

— Вот еще новости! — возмутился К., вскакивая с постели и спешно натягивая брюки. — Сейчас выясним, что за люди там за стенкой и как госпожа Грбах объяснит мне это вторжение.

Он, правда, попутно успел подумать, что совершенно ни к чему излагать свои мысли вслух, тем самым как бы отчитываясь перед незнакомцем и в известной мере признавая за ним право надзора, но решил, что сейчас это не имеет значения. Однако визитер как раз эту слабину из его слов только и выхватил, ибо тотчас заметил:

— Не лучше ли вам остаться тут?

— Я не намерен ни оставаться тут, ни выслушивать вас, пока вы не представились.

— Ну и зря, я ведь по-хорошему, — сказал незнакомец, уже сам распахивая перед К. дверь.

В соседней комнате, куда К. вошел медленнее, чем хотелось бы, все выглядело на первый взгляд почти так же, как накануне вечером. Это была гостиная госпожи Грбах, и кажется, в этой

загроможденной мебелью, фарфором, безделушками, скатерками, фотографиями комнате сегодня было чуть больше места, хотя осознавалось это не сразу, тем паче что главная перемена состояла в присутствии еще одного постороннего, устроившегося возле открытого окна с книгой, от которой он тотчас поднял глаза.

— Вам следовало оставаться у себя! Разве Франц не сказал вам?

— Да, но что вам нужно? — спросил К., переводя взгляд то на одного непрошеного гостя, то на другого, кого назвали Францем, — тот все еще стоял у двери. За окном в доме напротив виднелась все та же старуха: движимая неумным маразматическим любопытством, она перебралась теперь к другому окну, лишь бы ничего не упустить.

— Я хотел бы с госпожой Гробах... — начал К., непроизвольно дернувшись, словно вырываясь от обоих визитеров, хоть те стояли от него поодаль, и двинулся было дальше.

— Нет, — сказал человек у окна, бросив книгу на столик и вставая. — Вам выходить нельзя, вы ведь взяты под стражу.

— Похоже на то, — проронил К. — А с какой такой стати? — спросил он затем.

— Мы не обязаны вам отчетом, да и права не имеем. Идите к себе в комнату и ждите там. Коли уж начато расследование, в свое время сами все узнаете. Я и так выхожу за пределы дозволенного, говоря с вами по-хорошему. Но, надеюсь, кроме Франца нас никто не слышит, а он и сам против всех правил вон как с вами любезен. Если вам и дальше будет так фартить, как с назначением стражников, можете вообще ни о чем не беспокоиться.

К. хотел было сесть, но только тут обнаружил, что во всей комнате, кроме кресла у окна, сесть некуда.

— Вы еще сами убедитесь, насколько все это правда, — поддакнул Франц, вдруг, одновременно с напарником, подходя к К. вплотную. Особенно второй стражник, чуть не на голову превосходя К. ростом, буквально нависал над ним, то и дело похлопывая его по плечу. С двух сторон они стали ощупывать его ночную рубашку, приговаривая, что теперь-то ему придется носить рубашки поплосше, но эту рубашку, как и прочее его бельишко, они сохранят, и если дело его завершится благополучно, конечно, все ему вернут.

— Так что вы лучше вещички нам оставьте, чем на склад сдавать, — посоветовали они, — на складе, там ведь хищения, к тому же через какое-то время вещи просто распродают, неважно, закончено расследование или нет. А такие процессы, особенно в последнее время, знаете сколько тянутся! Так что в конце концов вам в лучшем случае компенсацию выплатят, да только компенсация эта, и сама по себе смехотворная, ведь вещи распродают не по стоимости, а за взятки, с годами и вовсе превратится в пшик, деньги-то эти невесть через сколько рук проходят.

К., впрочем, не особенно прислушивался к этим советам, правомерность чьих-либо притязаний на его личное имущество, которым он пока что располагает, он расценивал не слишком высоко, куда важнее сейчас понять, что с ним вообще происходит, однако в присутствии этих чужаков он даже думать толком не может, на него снова и снова вроде бы по-свойски, почти дружески напирает пузо второго стражника, — а кто же они еще, как не стражники? — но стоит поднять глаза, как над этим пузом он видит вовсе не
6 подходящее к столь тучному телу сухое, кости-

стое лицо с крупным, на сторону свернутым носом, и лицо это, не обращая на него никакого внимания, переглядывается с другим стражником. Откуда вообще эти люди? О чем улавливаются? Какое ведомство представляют? Ведь К. живет в правовом государстве, в мирное время, все законы действуют, кто посмел напасть на него в его собственном жилище? Сам-то он имел склонность относиться к жизни по возможности легко, в худшее верить, только когда оно и вправду наступит, а о будущем, какие бы угрозы в нем ни таились, заранее не тревожиться. Но сейчас, похоже, подобное отношение не к месту, происходящее можно, конечно, принять за шутку, грубую шутку, которую невесть зачем — уж не потому ли, что как раз сегодня ему тридцать исполнилось, — с ним вздумали сыграть сотрудники из банка, такое не исключено, и быть может, решишь он сейчас особо свойским манером прямо в лицо этим стражникам рассмеяться, и они тоже рассмеются в ответ, вдруг это просто посыльные с улицы, не сказать ведь, что не похожи, — тем не менее на сей раз буквально с первой секунды, едва увидев стражника Франца, он исполнился решимости ни крохи преимуществ, которые, надо полагать, дает ему его статус, этим людям не уступать. И не видел особой беды, если его потом станут упрекать, дескать, шуток не понимает, но, впрочем, тут же припомнил, — хотя вообще-то на прошлый опыт равняться не привык, — пару-тройку мелких случаев, когда, в отличие от своих друзей, вполне осознанно, не испытывая ни малейших предчувствий относительно последствий, повел себя неосмотрительно, за что и поплатился. Такое не должно повториться, по крайней мере на сей раз; если это комедия, что ж, он подыграет.

Ведь пока он свободен.

— Позвольте, — сказал он и, проскользнув между стражниками, быстро прошел к себе комнату.

— Похоже, образумился, — услышал он за спиной.

Очутившись у себя, К. кинулся к письменному столу, рывком поочередно выдвигая ящик за ящиком, — там все лежало в полном порядке, и только удостоверение личности, которое он искал, все никак не находилось — должно быть, от волнения. Сперва ему попалось на глаза удостоверение велосипедиста, он хотел было направиться к стражникам с ним, но потом счел этот документ слишком несолидным и продолжил поиски, пока не обнаружил свое свидетельство о рождении. Едва он снова вернулся в комнату, дверь напротив распахнулась и на пороге возникла госпожа Гробах. Но лишь на миг, ибо при виде К. она явно смешалась, пробормотала извинения и тут же скрылась, тихо-тихо притворив за собой дверь.

— Входите же! — только и успел сказать К., да так и застыл посреди комнаты с бумагой в руках, глядя на дверь, которая больше не открылась, куда оклик кого-то из стражников не вывел его из оцепенения, и только тут, глянув в их сторону, он с изумлением обнаружил, что эти двое, расположившись за столиком у открытого окна, уплетают принесенный ему завтрак.

— Почему она не вошла? — спросил К.

— Не положено, — буркнул высокий. — Вы ведь задержаны.

— Да за что меня задерживать? А уж таким манером и подавно?

— Ну вот, опять вы за свое, — пробурчал стражник, обмакивая в мед ломтик хлеба с маслом. — Мы на такие вопросы не отвечаем.

— А придется ответить, — сказал К. — Вот мои документы, извольте теперь предъявить ваши, прежде всего ордер.

— Бог ты мой! — вздохнул стражник. — Да что ж вы в собственное положение никак войти не желаете вместо того, чтобы нас попусту раздражать, хотя людей ближе нас у вас, пожалуй, нынче на свете нету!

— Святая правда, вы уж поверьте, — добавил Франц, так и не донеся до рта кофейную чашку и сморив К. долгим и, надо полагать, многозначительным, но совершенно непонятым взглядом. Невольно втянутый в эту невразумительную переглядку, К. не сразу спохватился, но затем, похлопав по своим бумагам, сказал:

— Вот мои документы.

— Да нам-то они на что! — теперь уже в голос вскричал здорovenный. — Честное слов, вы хуже малого дитяти. Чего вы добиваетесь? Думаете, втягивая нас, простых стражников, в споры насчет каких-то бумажек, ордера какого-то, вы сможете приблизить конец вашего треклятого, чудовищного дела? Мы всего-навсего низшие чины, в бумагах ваших вообще мало что смыслим, по вашей части у нас одна забота — держать вас под стражей десять часов в сутки и получать за это жалованье. Вот и весь спрос с нашего брата, хотя, конечно, нам ли не знать, что верховные органы, на службе у которых мы состоим, прежде чем постановить кого-то задержать и взять под стражу, в мельчайших подробностях и о причинах задержания, и о личности задержанного осведомлены. Тут ошибок не бывает. Наши службы, насколько я их знаю, — а мне они знакомы лишь на самом низшем уровне, — наши службы так устроены,

что им нет нужды разыскивать носителей вины среди населения, напротив, как сказано в Законе, вина сама притягивает к себе силу права, вот тогда и высылают нас, стражников. Таков Закон. Какие же тут могут быть ошибки?

— Не знаю я такого закона, — проронил К.

— Тем хуже для вас, — отозвался стражник.

— Да он, похоже, только у вас в головах и существует, — продолжил К., но ему хотелось как-нибудь проникнуть, прошмыгнуть в мысли стражников, чтобы склонить их в свою пользу или хотя бы в этих мыслях обжиться.

Но стражник только сухо отрезал:

— Еще успеете на себе испытать.

Тут и Франц встрял, заметив:

— Видишь, Виллем, сам же говорит, что Закона не знает, а уверяет, что невиновен.

— Ты совершенно прав, но такому ничего не толкуешь, — отозвался тот.

На это К. ничего не стал отвечать. «К чему только зря забивать себе голову вздорной болтовней этих, как сами они признают, рядовых низших чинов? Берутся рассуждать о вещах, в которых ни бельмеса не смыслят. И весь гонор их только от их же глупости. Достаточно переброситься парой слов с человеком моего ранга — и все разъяснится несравненно скорей, чем в нескончаемых препирательствах с этой шушерой». Он прошелся туда-сюда по свободному пятачку в середине комнаты, увидел, что старуха в доме напротив успела притащить к окну совсем уж древнего старика и стоит теперь с ним в обнимку. Этому глазению пора положить конец.

— Отведите меня к вашему начальнику, — распорядился он.

— Не раньше, чем он сам того пожелает, — ответил тот, кого звали Виллемом. — А вам я рекомендую, — добавил он, — вести себя поспокойнее, пройти к себе в комнату и ждать, какие на ваш счет будут распоряжения. А еще наш вам совет: не отвлекайтесь на всякие бесполезные мысли, наоборот, соберитесь, требования к вам будут предъявлены чрезвычайно высокие. На наше доброе отношение вы добром не ответили, позабыв, что уж кем бы мы там ни были, но по сравнению с вами мы, по крайней мере, люди свободные, а это не пустяк. Тем не менее мы готовы, коли вы при деньгах, принести вам небольшой завтрак из кафе напротив.

Ничего на это предложение не ответив, К. некоторое время просто стоял молча. Если он сейчас распахнет дверь в следующую комнату, а потом и в прихожую, может, эти двое и задерживать его не посмеют, может, это и есть самое простое, самое верное решение — пойти напролом? Ну а вдруг его схватят, да еще, чего доброго, повалят, — после такого-то унижения куда подевается все превосходство, которое он пока худо-бедно над ними сохраняет? А коли так, он предпочел все-таки безопасность, решив к крайним мерам не прибегать, а позволить событиям идти своим предусмотренным ходом, с чем и проследовал к себе в комнату, сам ни слова не говоря и от стражников слова не услышав.

Там, упав на кровать, он взял с умывального столика румяное яблоко, которое накануне вечером приберег к завтраку. А теперь вот оказалось, ничего другого к завтраку у него и не будет, но даже такой завтрак, уверил он себя, откусывая первый, большой и сочный кусок, куда лучше, нежели завтрак из вонючей ночной забегаловки напротив, который он, жалкой подачкой, мог бы получить по милости стражников.

Он чувствовал себя легко и покойно, правда, нынче до обеда он пропустит присутствие в банке, но при довольно высокой должности, какую он там занимает, это вполне простительно. Вот только удобно ли изложить в оправдание истинную причину своей задержки? Он решил, что так и сделает. А если не поверят, что в подобном случае очень даже понятно, можно привлечь свидетелей — госпожу Гробах или хотя бы тех же стариков напротив, которые, надо полагать, тащатся сейчас к другому окну. Удивительно только — по крайней мере, если вставать на точку зрения стражников, оно и вправду удивительно, — почему его загоняют обратно в комнату, не боясь оставить там одного и давая возможность покончить с собой любым из дюжины мыслимых способов. Впрочем, вставая уже на свою точку зрения, он тут же спросил себя, какая, собственно, причина могла бы побудить его на такой шаг? Уж не та ли, что двое чужаков за стенкой захватили и нагло уплетают его завтрак? Более дурацкую причину трудно вообразить, и даже вздумай он из-за этого с собой покончить, от одной только нелепости не смог бы. Не будь столь очевидна умственная ограниченность его стражей, впору предположить, что и они, пройдя путем тех же умозаключений, потому и оставляют его в одиночестве, ничего не опасаясь. Что ж, если так, пусть бы поглядели, как он сейчас подходит к стенному шкафчику, где у него припрятана заветная бутылочка доброго шнапса, как опустошает первую рюмашку, это взамен завтрака, а потом и вторую, это уж для храбрости, на тот, впрочем, маловероятный случай, ежели храбрость и вправду понадобится.

Но тут громкий крик из соседней комнаты перепугал его настолько, что он даже зубами о край

12 рюмки клацнул.

— Вас вызывает надзиратель!

Напугал его именно сам крик, отрывистый, рывкающий, солдафонский лай, какого он от стражника Франца никак не ожидал. Приказ же по сути был ему донельзя кстати.

— Наконец-то! — откликнулся он, запер стенной шкафчик и поспешил в соседнюю комнату.

Оба стражника уже стояли наготове и тут же, будто им и впрямь все дозволено, погнали его обратно в комнату.

— Вы в своем уме? — кричали они. — В рубашке к надзирателю! Да он высечь вас прикажет, и нас заодно!

— Оставьте меня, черт подери! — вопил К., уже притиснутый к своему платяному шкафу. — Выдернули человека из постели и еще требуют, чтобы он был в парадном костюме!

— Даже не спорьте! — приговаривали стражники, которые всякий раз, когда К. повышал голос, сохраняли полнейшее спокойствие и как будто даже слегка за него расстраивались, чем немало его обескураживали, но в какой-то мере и образумливали.

— Дурацкие церемонии! — пробурчал он, а сам уже сдернул со спинки стула свой пиджак и, подержав на весу, показал стражникам, как бы им предоставляя решать, годится пиджак или нет.

Те покачали головами.

— Нужен черный, — изрекли они.

В ответ К. попросту уронил пиджак на пол и проговорил, сам не поняв, в каком смысле:

— Но ведь это еще не судебное слушание.

Стражники улыбнулись, но остались непреклонны.

— Нужен черный.

— Что ж, если это ускорит дело, будь по-вашему, — рассудил К., сам распахнул дверцы шкафа, долго перебирал свой обширный гардероб, выбрал лучшую черную пару с приталенным пиджаком, чей модный покрой вызвал едва ли не фурор в кругу знакомых, достал к нему и свежую сорочку, после чего принялся тщательно наряжаться. В глубине души он не переставал радоваться, что процедуру сборов все равно удалось ускорить, ведь стражники не додумались запихнуть его еще и в ванну. Исподтишка он на них поглядывал, не спохватятся ли, но им, понятно, такое и в голову не пришло, зато Виллем посчитал нужным послать Франца к надзирателю доложить, что К. одевается.

Когда К., уже при полном параде, в близком и неотступном сопровождении Виллема прошел через гостиную госпожи Гробах, он обнаружил, что двустворчатая дверь следующей комнаты распахнута настежь. Комнату эту, К. точно знал, с недавних пор занимала барышня Розген, машинистка, уходившая на работу очень рано, возвращавшаяся поздно, так что К. за все время едва успел пару раз с ней поздороваться. Теперь же ночной столик возле ее кровати, превратившись в канцелярский, выдвинут был на середину комнаты, за ним-то и расположился надзиратель, скрестив ноги и закинув руку на спинку кресла. В углу комнаты стояли трое молодых людей, они разглядывали фотографии барышни Розген, приколотые к циновке на стене. На ручке раскрытого окна висела белая блузка. В доме напротив уже снова залегла на подоконнике пара стариков, но зрителей там прибавилось, ибо за спинами их, теребя рыжеватую бородку, воздвигся здоровенный детина в расстегнутой на груди рубахе.

— Йозеф К.? — спросил надзиратель, надо полагать, лишь затем, чтобы обратить на себя рассеянные взоры вошедшего.

К. кивнул.

— Вы, вероятно, весьма удивлены событиями нынешнего утра? — спросил надзиратель, деловито передвигая обеими руками немногие предметы — свечу, спички, книгу, подушечку с иглами, — разложенные перед ним на столике, словно вещи эти необходимы ему в работе.

— Разумеется, — отозвался К., ощущая приятное облегчение оттого, что наконец-то видит перед собой разумного человека, с которым можно обсудить свое положение. — Разумеется, я удивлен, но отнюдь не весьма удивлен.

— Не весьма? — переспросил надзиратель, ставя свечу на середину столика и группируя вокруг нее прочие предметы.

— Возможно, вы не так меня поняли, — поторопился заметить К. — Я имею в виду... — Тут он осекся, оглядываясь в поисках стула. — Я ведь могу сесть? — спросил он.

— Не принято, — проронил надзиратель.

— Я имею в виду, — продолжил К. теперь уже без заминок, — что вообще-то я весьма удивлен, но когда проживешь тридцать лет на белом свете, да еще в одиночку всюду пробиваясь, как выпало мне, то и к неожиданностям не привыкать, и принимаешь их не слишком близко к сердцу. Особенно такие, как сегодня.

— Почему особенно такие, как сегодня?

— Не хочу сказать, что полагаю все это шуткой, для шутки слишком уж много всего пришлось бы подстраивать. Тут и все жильцы кварти-